

Шукшина В.

18/11-87

ИСКУССТВО

"Я ПРИШЕЛ ДАТЬ ВАМ ВОЛЮ"

Страницы романа В. Шукшина читает М. Ульянов

СРЕДА, 25 НОЯБРЯ, — ЧЕТВЕРГ, 26 НОЯБРЯ, 1 ПРОГРАММА, 13.10;
РО-4—11.10; РО-3—9.10; РО-2—7.10; РО-1—7.10

Вышел в свет роман, потом состоялся спектакль вахтанговского театра... Одни критики судили романное слово Шукшина о Степане Разине через «пристрастно-шукшинское», через призму ранее, а то и всего им созданного — через давний рассказ «Стенька Разин», где атаман являлся герою лишь мечтой, через фильм «Странные люди», где тот рассказ обратился одной из киноновелл с притчевой подоплекой, через киносценарий о Разине 1968 года, че-

рез «Калину красную», фильм — исповедь и заповедь писателя, кинорежиссера, актера и, наконец, через поучительную, последнюю из его работ, сказку «До третьих петухов», где образ Разина аллегорически соседствует с богатырем Ильей Муромцем. Другие критики соизмеряли шукшинское прочтение Разина с достоверно историческим и апокрифическим, с некогда и кем-то художественно (проза, поэзия, театр, кино, живопись и т. д.) воплощен-

РАДИО

Третьи отмечают выход (наконец-то!) новеллиста Шукшина на эпические просторы, к новому жанру.

А Шукшин, как и должно большому художнику, еще раз доказал, что, как ни умен и остер критический скальпель, стихия художественного много сложнее и необъяснимей.

Шукшин был до последнего часа своего, быть может, как никто из соплеменников и собратьев по ремеслу, с а м и м с о б о й. И словом делом рубил сплеча свою «строжайшую тезу»: «Нравственность — это правда».

И бегут, спешат гурьбой и с гоном «ярмарочной речи» шукшинские «чудики», которые, кажется, больше всего на свете бунтовали против нравственного и бытового рабства — в себе и в других.

А самый, разумеется, бунтовой, самый странный из этих странных шукшинских характеров — Разин, которого писатель лепил через себя, потому что вольно или невольно нес в себе какие-то его черты, как несут на себе ответ и отзвук, привычки и заметины потомки легендарных исторических сородичей.

Роман будет читать («читать» — слабое и не совсем то слово) Михаил Ульянов, не просто почитатель Василия Шукшина, а актер, глубоко чувствующий эту такую корневую, как у Шукшина и ему подобных, прозу, питаемую родными недрами. Да и характерами они — и Шукшин, и Ульянов — соразмерны: и тот, и другой сибиряки, оба сосредоточенно-строгие и напряженно-волевые, и своеобразно романтичен каждый, и

«ликажи суровыми» они сложи, и (а это, может, самое главное) слухом к ядреной, терпкой, невымученной речи русской одарены...

Как играл Ульянов Разина на сцене? Крупно, резко, с предельной страстью. Это было публичное «мучение» — превращение Разина в свободного человека. Он выдавливал из себя раба уже не почеховски по каплям, а пошукшински — пригоршнями. «Здесь не веселье, здесь горе и боль» — так объяснил идею спектакля сам Ульянов. Возможно, именно от этого — от масштаба трагедии любимейшего народного героя — и возьмет интонационный ключ чтения актер. Впрочем, об этом уже судить не нам.

В. ГУСАРОВ